

Татьяна Никольская

Мишу Мейлаха знаю со студенческих лет. Помню, как году в 1964/1965-м он поздним вечером забегал ко мне на Невский, 74 со стихами Введенского, полученными от Якова Семеновича Друскина, оставляя прочесть и перепечатать. Миша очень нравился моему папе, и он никогда не делал ему замечаний за несвоевременный визит. Как-то в письме к общему приятелю Ефиму Славинскому Миша написал, что ему нравятся девушки с коленками в форме икосаэдра. Мы с подругой Ларисой Волохонской долго обсуждали, что это за коленки, состоящие из двадцати треугольных граней. Миша не только сам шутил, он и учил шутить других. Как-то на конференции в Тарту выступал человек с фамилией Цуринов. Миша спросил местных студенток — вы уже шутили — Цуринов-Уринов? Они покачали головами. — Ну так пошутите — посоветовал Миша. Он читал в Тарту первые доклады о Введенском и Липавском. Время, на которое пришлось его доклады — в конце конференции, было не самым удачным. Все устали и должного внимания докладчику не оказывали. Миша несколько раз делал замечания залу, объяснял, что материал новый и важный, поэтому слушать нужно внимательно. И был прав, хотя обычно за порядком следил «собрания председатель».

В шестидесятые-семидесятые Миша Мейлах был уже широко известен даже не в очень узких кругах, как образованный, эрудированный, свободно владеющий иностранными языками молодой человек, который изучает творчество провансальских трубадуров и собирает тексты обэриутов. Его верный помощник Володя Эрль неоднократно говорил мне, что считает пиком Мишиных достижений в области обэриутоведения исследование творчества Введенского. Тот же Володя иногда так уставал от общения с Мишей, настойчивость которого не знала предела, что когда поменял телефонный номер, взял с меня слово не говорить новый номер Мише. Я слово сдержала. Миша все равно телефон узнал.

Кроме занятий наукой, Миша славился тягой к путешествиям, которые он осуществлял в огромном количестве. Помню, как Владимир Васильевич

Стерлигов с восторгом рассказывал о путешествии Миши по Северноморскому пути. Недавно я узнала, что Миша повторил этот маршрут. Мог он появиться и там, где его никто не ждал. Классический пример приводит Генрих Штейнберг, известный вулканолог. В 1968 г. к нему должен был приехать Бродский, которого Миша навещал в ссылке. В те годы билеты на самолет продавались еще без предъявления паспорта. Однако в целях конспирации решили взять билет на фамилию Мейлах. Лететь надо было на Камчатку. Генрих поехал встречать друга и увидел сходящего по трапу Мишу. Бродский передумал.

Жизнетворчество сопровождало Мишу в течение многих лет. О том, что он демонстративно в определенное время становился на голову всюду, где находился, особо распространяться не буду. Подчас и сама этим грешила. А вот эпизод с секретаршей расскажу. Как-то раз у меня собрались гости. На следующий день — телефонный звонок. Девушка представляется секретаршей Миши и спрашивает, не оставил ли он у меня носовой платок. Какой-то мужской носовой платок я после гостей обнаружила, о чем и сообщила. Между нами произошел следующий разговор — Михаил Борисович просит Вас захватить этот платок, если вы пойдете послезавтра в гости к Гаррику. Вам не будет трудно? — Нет, не будет, если пойду, платок захвачу. Прихожу к Гаррику и вижу Мишу, становящегося на голову и предупреждающего — если кто-нибудь захочет задать мне вопрос, охотно отвечу, не смущайтесь. За точность слов не ручаюсь, но эпизод в действительности имел место быть. Вопросов я не задала, но носовой платок незамедлительно владельцу вернула. А вот в Грузии, в Верхней Сванетии, куда Миша в отличие от меня добрался, ему стоять на голове категорически запретили, сказали, что мир может перевернуться. Мише пришлось встать на ноги.

Когда в середине семидесятых я уже не в первый раз приехала в Грузию на несколько месяцев и стала наносить визиты, буквально в каждом доме мне говорили — у нас был Миша Мейлах из Ленинграда. В Тбилиси Миша познакомился с Мерабом Костава, музыковедом, поэтом, правозащитником, десять лет проведенным в лагерях и ссылках. Мераб, в доме которого у памятника Руставели я по протекции Звиада гостила однажды четыре месяца, относился к Мише с симпатией. Защищал его от нападок одного из Мишиных сосидельцев Славы Евдокимова, диссидента во втором поколении. Мераб говорил, что Миша ученый, а не профессиональный эзк. Встречался Миша и со Звиадом Гамсахурдия, который также хорошо о нем отзывался, с художниками, поэтами, филологами, музыковедами — Ладом Гудиашвили, Еленой Ахвледиани, Гией Маргвелашвили, Женей Мачавариани, вдовами Давида Какабадзе и Тициана Табидзе. Список можно продолжать и продолжать.

Из наших многочисленных тбилисских знакомых хочу вспомнить о Валерии Мартыновне Векиловой и Нине Николаевне Васильевой. Когда

в 1973/1974 гг. я с ними познакомилась, обеим было за восемьдесят. Жили они неподалеку друг от друга — Нина Николаевна на углу улицы Георгия Леонидзе/Московской и улицы Михаила Джавахашвили, а Валерия Мартыновна, кажется, на улице Джавахашвили, рядом с тупиком Джавахашвили, в котором жил специалист по сонетам и геральдике, библиофил Константин Сергеевич Герасимов, бывавший в гостях у обеих. Объединяло Нину Николаевну и Валерию Мартыновну не только давнее знакомство, но и то, что они держали салон, ядро которого составляли одни и те же люди. Собрания проходили по субботам — два раза в месяц у Нины Николаевны и два раза у Валерии Мартыновны. Среди гостей помню инженера Виктора Порфирьевича Бобро, острого на язык знатока частушек времен грузинской независимости — он всегда в небольшом подпитии исполнял частушку о министре иностранных дел Евгении Гегечкори, а также частушки о Ленине, Троцком и Кирове. Его жена — Тамара Феофановна Лордкипанидзе, чертежница — они с мужем работали на одном заводе — внимательно читала толстые журналы, интересные материалы из них охотно обсуждались на субботах. В ту же компанию входила Тата Боярская. Где она работала, не знаю. Тата провела военное детство в детском доме, о котором написала повесть, интересную по материалу. У нее были взрослые дети, которые в салон не ходили. Еще к завсегдатаям относился экскурсовод Антонов. Как его звали не помню, а вот двух сыновей, которые с отцом иногда приходили, звали Волик и Лолик. Из молодых приходил и читал свои рассказы литератор Миша Размадзе с женой Валей из немецкой семьи, по всей видимости очень строгой. Она — дело было в середине семидесятых — лишь недавно вышла замуж и рассказывала всем, какую свободу обрела. Как они ходят в театры и принимают гостей. Валя работала в книжном магазине на Плеханова и оповещала о книжных новинках, даже предлагала взять книгу на ночь для прочтения и вернуть на следующий день. Однажды Валя обслуживала выездную торговлю в помещении ЦК компартии. Кто-то из покупателей взял книгу и исчез. Валя расплакалась. К ней подошел один из участников конференции, узнал, в чем причина слез и сказал — не расстраивайтесь, Вы, наверное, не знаете слов Ленина — украсть книгу это не воровство. Валю эта цитата не успокоила. Валерия Мартыновна, если не ошибаюсь, была архитектором и довольно известным. Она интересовалась искусством. Помню, как однажды на субботу был приглашен ее знакомый, который попал с большими трудами в туристическую поездку по Италии. Послушать о его впечатлениях пришлось в большую комнату в коммунальной квартире человек тридцать — обычно приходило 8–10 человек. Часа три путешественник рассказывал об итальянских музеях и показывал слайды. Его слушали, не прерывая. Ее постоянным увлечением была политика. Валерия Мартыновна написала большой трактат о путях развития современного общества в Советском Союзе, где не выражала симпатий к большевистскому строю. В то же время она с гордостью сооб-

шала, что закончила Университет марксизма-ленинизма. Этот трактат — название его не сохранилось в голове — не пропал. Знакомая Валерии Мартыновны и Нины Николаевны — Елена Федоровна Буренкова, работавшая в ленинградской Публичной библиотеке машинисткой, в один из приездов в Тбилиси взяла его у Валерии Мартыновны и спрятала до лучших времен в рукописном отделе Публичной библиотеки. Когда настала перестройка, трактат был обнаружен и теперь хранится на легальных основаниях. Валерия Мартыновна хорошо знала французский язык, с которого перевела знаменитый роман Оруэлла «1984». Из текста она выпустила главу про комнату 101, потому что, как объясняла гостям, это очень страшно. Смягченный вариант перевода Валерия Мартыновна охотно тайно давала читать проверенным «крамольникам». Так неизменно называл собрания салона Виктор Порфирьевич. Биографии хозяйки салона я не знаю. Известно только, что наследников у нее не было. Умерла она в 1979 у себя дома. Говорят, что ее нашли а полу посередине комнаты.

У Нины Николаевны собирались через субботу в небольшой комнате на первом этаже деревянного дома. Значительную часть узкой комнаты занимали книжные стеллажи. В отличие от полноватой, мягкой Валентины Мартиновны, Нина Николаевна была худой, согбенной годами, в очень сильных очках. Плохое зрение у нее было с детства. Биография Нины Николаевны уже обнародована. Елена Федоровна Буренкова, для Нины Николаевны просто Леля, в детстве жила в семье Нины Николаевны и ее мужа искусствоведа и археолога Дмитрия Петровича Гордеева в военные годы. Когда в начале восьмидесятых в Италии готовился сборник «Авангард в Тифлисе», Александр Парнис попросил Елену Федоровну написать биографическую справку о Нине Николаевне, что и было сделано. А заинтересовались ей составители сборника потому, что Нина Николаевна была неизменным секретарем «Фантастического кабачка» — клуба, где в 1917–1919 собирались и читали стихи русские и грузинские поэты. Нина Николаевна написала поэму *Фантастический кабачок*, которая впервые была опубликована в итальянском сборнике, затем в моей книге *Фантастический город*, а затем в антологии, составленной Ириной Дзуцовой *Тифлис, твои поэты в сборе!*. В 1921–1922 гг. она была секретарем Союза русских писателей в Грузии, протоколы которого Елена Федоровна передала в Пушкинский дом. В 1919 вышел сборник стихов Нины Васильевой *Золотые Ресницы*, который высоко оценил, находящийся тогда в грузинской столице С. Рафалович. Писала она стихи до конца дней и иногда читала их по субботам. Где теперь ее поэтический архив, я не знаю. Нина Николаевна охотно рассказывал о своей молодости. Ее отец был генерал-губернатором Батуми, а мать происходила из грузинской дворянской семьи, восходившей своей родословной к легендарному Георгию Саакадзе. Нина Николаевна с серебряной медалью закончила Смольный институт, затем училась до 1916 г. на Бестужевских курсах, состояла в партии эсеров. За хранение

подрывной литературы в 1909 г. она была арестована и больше года просидела в знаменитой петербургской тюрьме — Литовском замке, находившемся неподалеку от Мариинского театра. Она вспоминала о забастовке заключенных девушек эсерок в защиту одной большевички, которой грозил реальный срок. Эсерки сказали, что если их сокамерницу посадят, они откажутся пить кипяченую воду — летом в Петербурге была эпидемия холеры — заболеют, умрут, а у начальства из-за этого будут неприятности. Их угроза, как ни странно, подействовала. Приговор большевичке был смягчен.

В 1916 г. Нина Николаевна познакомилась с Игорем Северяниным, который посвятил ей два стихотворения. Осенью 1916 г. она уехала лечиться на юг, а еще через год уехала к матери в Тбилиси, где и прожила оставшуюся часть жизни. Она была влюблена в Тициана Табидзе, которому посвятила два стихотворения, одно из которых было много позже опубликовано в воспоминаниях вдовы поэта Нины Табидзе. Начиналось стихотворение строфой:

Король страны, границ которой
Нигде географ не найдет,
Куда не ходит поезд скорый,
Ни океанский проход.

и было связано с известным стихотворением Тициана Табидзе «Король балагана», переведенным на русский язык подругой Нины Николаевны поэтессой Татьяной Вечоркой-Толстой. В свою очередь в Нину Николаевну был влюблен поэт Юрий Деген, расстрелянный в 1923 г. якобы за попытку поджога бакинских нефтепромыслов, и реабилитированный только в 1991 г. Откликом на его гибель стало стихотворение Нины Николаевны, напечатанное Ириной Дзуцовой в ее антологии *Тифлис, твои поэты в сборе!*, вышедшей в 2014 г. Начиналось стихотворение, написанное в тридцатые годы, строфой:

Капризный мальчик с светлыми глазами,
Поэт утонченный с детским ртом,
Ты жил любовью, грезой и стихами
И как дитя играл с огнем.

Нине Николаевне не повезло. Оба ее стихотворения, опубликованные посмертно, были подписаны другими именами или фамилиями. «Король страны» приписывался некоей Нине Лазаревой, а «Капризный мальчик» по техническому недосмотру сестре Нины Николаевны, тоже писавшей стихи, Вере Николаевне Васильевой. В примечаниях содержится развернутая справка об обеих сестрах.

На субботках у Нины Николаевны читали стихи и прозу, говорили о литературе. Хозяйка, почти слепая, жила очень бедно на маленькую пенсию. В Грузии она работала в различных библиотеках и никогда не получала приличной зарплаты. Ее муж, брат поэта-футуриста Богдана Божидара,

известный ученый, умер в 1968 г. В последние несколько лет у Нины Николаевны жила сестра, впадшая в детство. Через определенные промежутки времени она входила в комнату Нины Николаевны и спрашивала исключительно по-французски — который час. Нина Николаевна по-французски же отвечала и сестра уходила к себе. Нина Николаевна, в отличие от Валеры Мартыновны, была резкой, она могла при случае прикрикнуть на своих гостей, сказать, что они ничего не понимают в поэзии. Мне она жаловалась, что из-за плохого зрения не стала ходить в гости в литературоведу Гие Маргвелашвили, куда ее усиленно звали. У Маргвелашвили бывала Белла Ахмадулина, молодые переводчики Михаил Синельников и Ян Гольцман, и много других московских друзей — Гия закончил в Москве Литературный институт. Нине Николаевне не хватало свежих людей, новых знакомств. Свой салон она держала с 1918 г. Она любила вспоминать о «Фантастическом кабачке» и интересной жизни, бурлившей в Грузии в то время. Умерла Нина Николаевна в 1979 году, как отмечает Елена Федоровна Буренкова «не дожив трех месяцев до своего 90-летия». К сожалению, ее библиотека, содержащая уникальные сборники футуристов-заумников из группы «41°», не сохранилась. Часть еще при жизни разошлась по коллекционерам, остальное исчезло после кончины владелицы.

В заключение разрозненных воспоминаний вернусь к виновнику торжества. Я уважаю Мишу за то, что он доводит работы до финиша и ставит точку, возможно с запятой, лишь после подробного обзора истории вопроса. По тому с какой легкостью он раздает всем сестрам по серьгам, чувствуется школа незабвенного Николая Ивановича. Наряду с банальными, но необходимыми пожеланиями здоровья и удачи, хочу пожелать умудренному жизненным опытом Мише брать хотя бы иногда в руки и оливковую ветвь со всеми «вытекающими последствиями».